

нам предположение С. О. Шмидта о том, что сами Сказания послужили источником «Летописца начала царства» [Шмидт, с. 25]. Обозначим только один пример, когда в «Летописце» текст более исправен. Так, второй пожар по версии «Летописца начала царства» произошел 20 апреля 1547 г. Эта же дата приведена в Постниковском летописце¹. В Сказаниях точная дата не указана, но читается, что бедствие случилось «того пожару минув три дни» (первый пожар был 12 апреля) (БАН. Арханг. Д. 193. Л. 362). Следовательно, по версии Сказаний это событие случилось 15 апреля. По каким причинам произошел данный сдвиг в хронологии, сказать сложно. Однако очевидно, что «Летописец начала царства» передает более исправное чтение. Скорее всего, оба памятника восходят к общему источнику.

Таким образом, в известиях после 1542 г. составитель «Летописца начала царства» обращался к какому-то летописному источнику. Из него было заимствовано известие о пожаре 1547 г. Он доходил по крайней мере до этой даты. К этому же источнику обращался составитель летописного отрывка, известного в историографии как Сказания о Московских пожарах.

Литература

Жарков И. А. К истории московских пожаров 1547 г. // ИА. М., 1962. № 3. С. 223–226.

Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958.

Лавров Н. Ф. Заметки о Никоновской летописи // ЛЗАК за 1926 г. Л., 1927. Вып. 1 (34). С. 55–90.

Морозов В. В. Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005.

Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 год. М., 1982. С. 110–121.

Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. М., 1984. С. 59–74.

Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

Шмидт С. О. Становление российского самодержавства: исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973.

¹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 29. С. 51; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 29.

Е. Н. Жукова, Ю. В. Степанова (ТвГУ)

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ В ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ¹

Погребальные памятники XIV–XVII в. Верхневолжья до настоящего момента остаются практически не изученными. Их обнаружение связано с определенными трудностями, поскольку такие могильники зачастую не имеют внешних признаков. Раскопаны лишь немногие из них, при этом изучение чаще всего проводилось в рамках полевых исследований многослойных памятников.

На важность изучения данного типа памятников указывал А. А. Спицын в своей работе 1921 г., где обобщены сведения, в том числе и о местонахождениях позднесредневековых кладбищ Тверской губернии. По его мнению, это «...дает возможность точно определять местоположение пустошей, а это имеет большое значение для вопроса о колонизации края, почему сведения о жальниках и старых кладбищах должны быть подвергаемы непрерывной регистрации»².

Единой терминологии в отношении бескурганных погребальных сооружений не сложилось. Под термином «могилища», «заброшенные кладбища», «находки человеческих костей», «могилы с валунными камнями», «надгробные памятники» могли пониматься как христианские кладбища, так и жальничные погребальные комплексы.

Из 1024 памятников, зафиксированных в дореволюционное время, на позднесредневековые кладбища приходится 150 случаев (14,6 %). Из них на 37 объектах по современной археологической карте зафиксированы памятники Средневековья (1–2 на объект): 30 селищ (из них только 5 относятся к древнерусскому времени), 5 курганных групп, 4 позднесредневековых грунтовых могильника, 3 средневековых городища, 3 сопочных могильника. Таким образом, из общего числа «заброшенных кладбищ» в 25 % случаев дореволюционные сведения подтверждаются современными разведочными данными и соотносятся с памятниками преимущественно позднего Средневековья, в 4 % — это предполагаемые сведения по зафиксированным средневековым погребальным памятникам более раннего периода. Актуальность этой проблематики тем более не вызывает сомнения, поскольку данные о позднесредневековых селищах на территории Тверской области собраны в минимальном объеме.

Данные по могильникам можно сопоставить с данными письменных источников позднего Средневековья, прежде всего писцовыми описаниями. В Историческом атласе Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 г.), составленном А. А. Фроловым и Н. В. Пиотух [Фролов, Пиотух], некоторые данные по юго-восточным погостам Новгородской земли (Велила, Жабенский, Посонский, Ясеновичский) соотносятся с кладбищами северо-западного региона

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ и Администрации Тверской области научного проекта научного проекта № 15-11-69002.

Архив Тверского государственного объединенного музея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 267. Л. 42.

Тверской губернии. Из 13 заброшенных кладбищ 7 соответствуют деревням XV в.: Бохот, Колпино, Лукьяново, Скоморохово, Старое, Хотимирицы, Фешино [Фролов, Пиотух, т. 1, 2].

Локализация средневековых поселений Тверского уезда [Кутаков, Степанова] позволила соотнести места нахождения позднесредневековых кладбищ с топонимами писцовых книг XVI в. Из 16 кладбищ, располагавшихся на территории Тверского уезда XVI в., 4 соотносятся с крупными селами, являвшимися центрами вотчинных или поместных владений (села Мичково, Емельяново, Бели Кушальские, Теребино), и располагались, по-видимому, при храмах; 7 являлись монастырскими кладбищами (в селах Калицыно, Дмитровское, Кушалино, Б. Перемерка, Никольское, Заболотье, Никола). Еще 5 соотносятся с деревнями, в XVI в. входившими в поместные и вотчинные владения (Тованово, Ягодино, Ферязкино, Старое Константиновское, Григорьево). Таким образом, можно выделить кладбища, находившиеся при храмах, в монастырях или крупных селах, являвшихся административными и церковными центрами сельской округи, а также деревенские кладбища, вероятно использовавшиеся населением нескольких окрестных поселений.

Среди них в трех местностях позднесредневековые кладбища располагались, по-видимому, в одном комплексе с древнерусскими курганами (Емельяново, Ягодино, Большие Перемерки). Сочетание погребений XI–XIII в. и позднесредневековых в одном могильнике зафиксировано в ряде погребальных комплексов Верхневолжья, что свидетельствует о преемственности погребального обряда.

По материалам исследований начала XX в. выявляются также 7 памятников, соотносимых с пунктами Бежецкого, 11 – Новоторжского, 5 – Ржевского, 1 – Зубцовского, 8 – Старицкого уездов XVI–XVII в. Таким образом, локализация позднесредневековых могильников дает дополнительные возможности для изучения средневекового расселения в Верхневолжье.

Литература

Кутаков С. С., Степанова Ю. В. Тверской уезд в XVI в. по данным писцовых описаний: опыт создания геоинформационной системы // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». Петрозаводск, 2013. № 40. С. 115–120.

Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам 1495–1496 годов). М.; СПб., 2008. Т. 1–3.

Л. И. Журова (Институт истории СО РАН)

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ «СОБОРНИКА»

Самым известным памятником творчества митрополита Даниила признан «Сборник», составленный самим автором из 16 обширных Слов. Первые выводы о его рукописной традиции сделаны В. Жмакиным в 1881 г., установившим, что «разность чтений между списками Даниловского сборника очень незначительна» [Жмакин, с. 262]. Краткий опыт изучения списков «Сборника» предложен современным исследователем Ю. С. Стариковым [Стариков]. Сегодня далеко не все вопросы литературной истории «Сборника» решены.

Из шести известных списков «Сборника» предметом настоящего анализа будут две рукописи XVI в.: РГБ. Ф. 173/1 (собр. МДА). № 197, конец 20-х – 30-е г. XVI в. (далее – *М*), и РНБ. F.I.522, конец (?) XVI в. (далее – *П*) [Клосс, с. 77, 109]. Главная особенность двух списков «Сборника» – неполнота состава, но это еще не дает оснований для выделения Краткой редакции. В них отсутствует «Наказание» заключительного Слова 16 («О втором браке»). Текст рукописей XVI в. заканчивается абсолютно одинаково: на «свидетельствах» («Святого Никифора патриарха Коньстантинаграда и сущих с ним святыхъ отецъ. Правило 24... 25... 26»). Далее в обеих рукописях оставлен чистым последний лист, что может указывать на незавершенность авторского свода. Рукопись *М*, правленная рукой Даниила, оказалась недописанной? «Наказание» Слова 16, известное в списках XVII–XVIII в. (например, ГИМ. Собр. Хлудова. № 87), по содержанию совсем не связано с темой «О втором браке» (оно посвящено рассуждениям о труде и тунейдстве) и, по оценке В. Жмакина, «отличается силою слова и красноречием» [Жмакин, с. 533]. История «Наказания», архипастырского наставления, может свидетельствовать о поэтапном формировании Слов «Сборника» [Журова].

Специфика истории средневекового авторского текста, в отличие от анонимного, состоит в устойчивости его рукописной традиции. Разночтений между ранними списками «Сборника» (*М* и *П*) чрезвычайно мало, например, на 3000 слов приходится всего 10 разночтений, из них 2 семантического характера, а 8 – грамматического (Слово 2, «О смирении враждующих»).

На основе текстологического анализа *М* и *П* можно утверждать, что более исправен и первичен список *М* (В. Жмакин считал древним и полным список *П*). Основной тип разночтений в *П* – писцовые ошибки. Например, в *М* «многих умучиша и смерти предаша» (Слово 1, л. 40 об.) – в *П* «многих умучиша и смерти»; в *М* «весь уставъ христианскаго житиа: на поставление патриархом, молитвы и уставы... и на поставление цареи» (Слово 3, л. 64 об.) – в *П* «весь уставъ христианскаго житиа: наставление патриархом, молитвы и уставы... и на поставление цареи»; в *М* «вѣкъ подражаеть подобиемъ» (Слово 4, л. 111 об.) – в *П* «вѣкъ порождаетъ подобиемъ»; в *М* «всяко о семь тѣание и подвигъ показати» (Слово 5, л. 202 об.) – в *П* «всяко о всемъ тѣание и подвигъ показати»; в *М* «Друзии же, недугом зависти одержими, многихъ напастем и бедам предаютъ» (Слово 15, л. 482) – в *П* «Друзии же, недугом зависти одержими, многимъ напастем и бедам предаютъ» и др. Единственный заметный пропуск в *М* (оценен В. Жмакиным как доказательство неполноты списка *М*) – глагология: «пѣния господскимъ»

